

И. А. СОКОЛОВ

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ВЕЛИКОГО ЧАЙНОГО ПУТИ ПО МАТЕРИАЛАМ ЧАСТНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ РОССИИ

Великий чайный путь (далее – ВЧП) – одна из наиболее плохо исследованных тем современной мировой истории. Взрывной рост интереса к теме Великого чайного пути произошёл в 2013–2014 гг. и был вызван политическими событиями.

В 2013 г. Си Цзиньпин в Казахстане официально представил китайскую концепцию «Один Пояс – Один Путь» (一帶一路). С 2013 по 2017 гг. КНР инвестировала свыше 50 млрд. долларов в страны, находящиеся на маршруте «Пояса и Пути» [1]. Двусторонний интерес к теме ВЧП дал мощный импульс к изучению истории в России, на постсоветском пространстве и в Китае.

В настоящее время в КНР тема ВЧП наиболее активно разрабатывается исследователями из провинции Хубей. Подобный интерес нельзя считать странным, так как здесь находился город Ханькоу (汉口), в настоящее время – городская агломерация Ухань (武汉) провинции Хубей (湖北).

В Ханькоу конца XIX в. одновременно действовало девять чайных фабрик, которые принадлежали подданным Российской империи и выпускали плиточные и кирпичные чаи (砖茶) для отечественного рынка.

Регион также являлся, в широком смысле слова, крупным внутренним китайским логистическим центром – местом, через который на внешние рынки проходила значительная часть чая из внутренних регионов Поднебесной империи.

В Ханькоу свозился чай с целого ряда китайских провинций, включая провинции Фуцзянь (福建) и Сычуань (四川). Здесь этот чай складировался, продавался и отправлялся (по нескольким маршрутам) к границе Российской империи, где проходил таможенную очистку и следовал на ярмарки и в города Сибири и Европейской России.

В частных коллекциях России сохранилось свыше 10 чайных плиток чая, изготовленных на чайных фабриках в Ханькоу. Одна из подобных плит, выпущенная в Ханькоу для Товарищества Чайной Торговли «В. Высоцкий и Ко», находится в коллекции известного московского коллекционера Леонида Иосифовича Лифлянда.

Любопытно отметить, что значительная часть продукции плиточного чая из Ханькоу несла на себе маркировку «чистейший цейлонский чай» или «цейлонский чай» – подобным образом не вполне добросовестные российские чаоторговцы обманывали таможенников своей страны. После 1861 г. тарифы на ввоз чаёв по Западным и Восточным границам Российской империи отличались, что создавало питательную почву для коммерческих махинаций.

Помимо плиточных чаёв, которые прессовались из крошки высокосортного чайного сырья, в Ханькоу и Фучжоу выпускались и традиционные для Китая кирпичные чаи, сырьём для которых выступал дефектный лист, грязное сырьё, черенки и прочая некондиция. Кирпичные чаи шли в Сибирь и

Центральную Азию. Именно этот кирпичный чай валился в котлах сибиряков, бурятов, был одним из популярных продуктов в Поволжье и Астрахани.

В частной коллекции гражданина США Джона Маквинни (John Macwhinnie) находится прекрасный образец кирпичного чая, отпрессованный на русской фабрике в Фучжоу. Он предназначался для астраханских магазинов фирмы А. В. Швецова (ил. 1).

Иллюстр. 1. Кирпич чаеоторговца А. В. Швецова (выпущен в Фучжоу) аверс

В непубличных российских коллекциях сохранилось несколько этикетов (обёрточная бумага с нанесённой на неё маркировкой) от плиточных чаёв, выпущенных в Старом Китае для ряда фирм: А. В. Швецова и его наследников, фирмы «Токмаков и Молотков», фабрики «Синтай» (выпускала продукцию для Торгово-Промышленного Товарищества «Преимник Алексея Губкина А. Кузнецов и Ко») и других.

Значительная часть чая доставлялась в Российскую империю нефасованным, в специальной упаковке – цибиках (о них – ниже). Сортировка и фасовка чая проводились уже на территории Российской империи, и здесь же чай упаковывался в различные виды тары из бумаги, картона, стекла, хрусталя, фарфора, дерева, металлов (включая редкий и «премиальный» металл конца XIX – начала XX веков алюминий, весьма высоко ценившийся на тот момент).

За последние несколько лет в провинции Хубей выпущено немало публикаций, материалы которых пока доступны исследователям лишь на китайском языке и не имеют переводов на русский и английский [2].

Торгово-транспортные коридоры ВЧП способствовали объединению Востока и Запада, стимулируя прокладку трактов и их инфраструктуры с многочисленными ярмарками по всей протяжённости транспортных коридоров.

Чайный Путь немало способствовал развитию экономики (включая металлообработку, производство стекла и фарфора, кондитерской продукции, стремительному развитию транспортных коммуникаций). Благодаря китайскому чаю развивалось производство самоваров. Чаеоторговцы заплатили миллионы рублей таможенных сборов, налогов и податей.

Тема ВЧП сегодня, как никогда, актуальна. В 2018 году в городе Санкт-Петербург состоялось открытие частного музея «Море Чая». Среди задач музея – популяризация истории чая и чайной культуры, поиск, сохранение и каталогизация чайного антиквариата, создание исторически достоверных реконструкций по истории Великого Чайного Пути, предоставление площадки для международных делегаций.

В запасниках российских государственных музеев и библиотек находится немало ценнейших исторических экспонатов, ещё большее их число – в частных не публичных коллекциях. В обоих случаях доступ к данным предметам, для простых граждан ограничен. Создаваемое на базе Музея Чая пространство позволяет получить лёгкий доступ к предметам по истории ВЧП и даже поддержать их в руках.

Современные российские исследователи, работая с материалами по истории ВЧП, не имеют недостатка в архивных материалах и мемуарной литературе. Достаточно сказать, что в фондах Центрального Исторического архива Москвы содержится большой массив данных о русских чаоторговых фирмах: ЦИАМ Ф.173 (Верхние торговые ряды); Ф.199 (Московский губернский статистический комитет, 1835–1869 гг.); Ф.759 (ТЧТ «В. Высоцкий и Ко»); Ф.764 (ТПТ «Кузнецов и Ко, преемник Губкина»); Ф.766 (отдел дореволюционных фондов, ТЧТ «Братья К. и С. Поповы»); Ф.943 (ТД «Трапезников и Ко»); Ф.948 (ТД «Шариков и Муратов»); Ф.1219 («Б. Штернберг»); Ф.1393 (Крафт, различные Торговые Дома семейства); Ф.1397 (Товарищество «А. Ф. Второва с сыновьями»); Ф.1831 (фирма А. Р. Вальмана); Ф.2209 (М. П. Медведев и наследники); Ф.2232 (фирма А. П. Селивановского).

Китайский чай (альтернатив ему не было вплоть до второй половины XIX в.) оказывал на экономику и культуру Российской империи значительное влияние.

Даже когда мы наслаждаемся картинами выдающихся художников, созданными до 1862 г. (в 1861 г. для чая были открыты Западные границы Российской империи и на рынок империи пошёл чай из британской Индии), где присутствует самовар, мы можем быть уверенными, что чай, который пили семьи, сидящие вокруг этих самоваров, – китайский.

Индийский чай, в значительных количествах, начинает приходить в Россию с конца 70-х гг. XIX в., цейлонский – с конца 90-х гг. XIX в. Тот чай, который в наше время носит название «тайваньский чай», на рубеже XIX – XX вв., носил у нас название «чай формозский». Для всех этих чаёв выпускалась своя упаковка и реклама, в обилии сохранившаяся в частных коллекциях.

Все помнят выдающихся учёных, медиков и литераторов Боткиных, но мало кто знает, что они были выходцами из богатейшей семьи купцов-чаоторговцев, которые торговали китайским чаем более столетия. Даже последний лейб-медик царской семьи Евгений Сергеевич Боткин, расстрелянный вместе с семьёй Николая II, был внуком чаоторговца. В настоящее время он канонизирован РПЦ.

Вся русская культура оказалась насквозь пропитана китайским чаем, который вплоть до 1861–1862 гг. везли напрямую из Китая по ВЧП, так как

ввоз чаёв по Западным границам Российской империи был запрещён в протекционистских целях.

Немало материалов по истории ВЧП, чая и чаоторговых династий (возивших чай по Чайному Пути) находится в Российском Государственном Архиве литературы и искусства – РГАЛИ, Ф.52 (чаоторговцы Боткины), Ф.54, Ф.2571 (чаоторговцы Боткины). Имеются материалы в Центральном московском архиве-музее личных собраний (ЦМАМЛС, Ф. 214 – воспоминания В. А. Бакарева), Отделе письменных источников Государственного Исторического Музея (ОПИ ГИМ, Ф. 122 – фонд сибирского чаоторговца В. Н. Баснина), других архивах и собраниях.

Достаточно материалов по истории ВЧП содержится в письменных источниках разного характера. Например, одно из описаний движения караванов, относящееся к 70-м гг. XIX в.: «Движение каравана в степи представляет чрезвычайно оригинальную картину. Верблюды, навьюченные разным товаром, идут обыкновенно, один за другим, гуськом или, по караванному выражению, «ниткой». Для этого их привязывают одного к другому посредством особых уздечек, состоящих из верёвочки, прикреплённой к концам маленькой палочки или кости, продетой в носовой хрящ верблюда. При остановке на кормёжку нужно только потянуть верблюда за эту уздечку, и он тотчас становится на колени; в это время без особого труда снимают с него вьюк, а самого его пускают на подножный корм. Утром, по слову «чок!» верблюд снова становится на колени и даёт класть на себя ношу в особую раму, прикреплённую к его спине и обшитую войлоком» [3, с. 335–336].

Нельзя не вспомнить о работе А. П. Субботина – знаменитого экономиста XIX в. [4]. Данная работа писалась в условиях, когда российские чаоторговцы (один из которых не только выступил спонсором подготовки и издания данного труда, но и помогал автору писать ряд разделов в книге) опасались введения государством «чайной монополии». Это оказало существенное влияние на характер текста книги, никак не умаляя её огромного значения для изучения истории русской чайной торговли.

Возникает необходимость сопоставить разрозненную информацию, проверить её по архивным данным, удалить конъюнктурные моменты и адаптировать полученные научные данные под потребности современного общества, которое плохо воспринимает текстовый материал.

Через формат выверенной исторической музейной реконструкции и выставок мы можем донести историю ВЧП до общества в том виде, в котором эта информация будет им воспринята и осмыслена.

Обобщив имеющиеся материалы, в петербургском Музее Чая был создан макет, на котором можно видеть фрагмент чайного двора в Кяхте (поселение на территории современной Бурятии).

«Кяхтинский чай, да муромский калач – полдничает богач» – именно так звучала народная поговорка в живом великорусском языке, когда её записал В. И. Даль.

Купцы-чаоторговцы из Российской империи открывали свои специализированные чайные магазины во Франции, Германии и других странах, ста-

новились придворными поставщиками знатнейших аристократических фамилий Европы. Для европейского рынка российскими частоторговыми фирмами выпускалась и соответствующая реклама и упаковка, часть которой сохранилось по частным коллекциям до наших дней.

Купечество Российской империи поставляло европейцам китайский чай в собственных «этикетах» и «сорочках» – пачках, формованных из бумаги. Китайцы называют такие пачки «традиционной упаковкой» (传统包装 – *chuántǒng bāozhuāng*) и они сохранились на острове Тайвань, а в материковом Китае в них упаковывают лучшие сорта гуандунских улунов (знаменитые «дань цуны» – 单丛, которые в КНР также известны под альтернативным обозначением: «Чаочжоу ча» – 潮州茶).

Один из авторов середины XIX в. так описывал доставку чая из Кяхты к Нижнему Новгороду в начале 50-х гг. XIX в.: «Из Кяхты чай идёт следующим путём: по Селенге, через Байкальское озеро, по Ангаре <...> до Енисея; оттуда до Кети сухим путём; по Оби и Иртышу доставляется в Тобольск, главное складочное место Сибирской торговли. Из Тобольска везут чай на санях до береговой реки Чусовой, а на следующее лето, по этой реке, доставляется до Нижнего Новгорода, где бывает продажа его на Макарьевской ярмарке. Из этой центральной, ежегодной, торговли чай привозится в Москву, а частью [частично] идёт в другие города» [5, с. 17].

Чай везли в цибиках, о которых уже упоминалось выше.

Цибик – одна из наиболее совершенных форм упаковки пищевых товаров – не только для XIX в., но даже и начала XX в. Плетёная корзина, обшитая плотными воловьими кожами. Основных видов цибики было два: «полоторные» (от 75 до 80 фунтов чая – нетто; от 110 до 120 фунтов – брутто) и «квадратные» (от 53 до 57 фунтов чая – нетто; от 95 до 103 фунтов – брутто), которые различались количеством и качеством чая. Внутри цибики прокладывали свинцовой фольгой, реже – бумагой.

Следует сделать оговорку: разумеется, о недопустимости контакта чая со свинцом в те времена не знали. До наших дней в частных коллекциях сохранилось достаточно много свинцовых чайниц: не только произведённых на территории Российской империи, но и оригинальных китайских, ввезённых уже с чаем внутри.

Помимо свинца распространение (с конца XIX в.) получили и чайницы «уранового стекла». О радиоактивных свойствах солей урана узнали позже, а в конце XIX–начале XX вв. они часто использовались в качестве минерального красителя при изготовлении цветного стекла (зелёные и желтоватые оттенки стекла у готовой продукции) и, в частности, великолепных стеклянных чайниц для китайского чая. Данные опасные предметы встречаются на московском антикварном рынке и в начале XXI в.

Возвращаясь к цибикам, стоит вспомнить материалы, собранные В. И. Далем: «цыбик – ящик или место чаю, от 40 до 80 ф.[унтов]» [6, с. 575]. В томе IV словаря русского языка, изданного в 1988 году в Институте Русского языка АН СССР, само слово помечено, как устаревшее и дано следующее определение: «Ящик с чаем весом до двух пудов» [8]. Любопытным является то, что в данном издании дана также отсылка к монгольскому слову *cebeg*.

Пример классического цибика, да ещё и с «китайским знаком», мы видим на картине А. А. Попова «Склад чаёв на Нижегородской ярмарке» – татарин волочёт классический цибик с маркировкой в виде иероглифа «хао» – «ворсистый», а на заднем плане картины начинают выкладывать «бунты» – большие пирамидальные сооружения из цибиков с чаем.

«Китайские знаки» – уникальная маркировка цибиков китайскими иероглифами и лигатурами из иероглифов, которые выполняли функцию товарных знаков «больших семей», занимавшихся в Старом Китае производством чая. Под большой семьёй тут стоит понимать ряд близких родственников, включая двоюродных братьев и сестёр, которые общими усилиями вели хозяйство, производили, доставляли, продавали товарные объёмы чая на рынке.

Опытные русские купцы-чаеоторговцы могли, не вскрывая цибик, по одной лишь маркировке определить: из какой провинции, из какого уезда, из какой китайской деревни данный чай, а, в некоторых случаях, даже семью-производителя. Более того, можно было, без вскрытия цибика, понять сорт чая, примерное качество (так как большие семьи стремились «держать марку» на протяжении целых поколений), цену данного цибика внутри Китая и на русском рынке.

Недавно коллекцию Музея Чая в Санкт-Петербурге пополнил реконструированный, по дореволюционным описаниям, цибик и модель «совка» – полового щупа, которым извлекали образец для оценки качества чая.

Собственно, одна из весьма прибыльных дореволюционных профессий, – савошники, – как раз и были теми людьми, которые умело орудовали тем самым «совком». Пробу чая савошники брали и в интересах неопытных чаеоторговцев, и для оценки качества чаёв с целью взимания с них таможенных пошлин, – чем лучше чай, тем больше были сборы с него в пользу казны.

Ещё одной, малоприятной, задачей савошников было удаление плесени с кирпичей китайского чая, которая срезалась специальными большими ножами. Упаковку части чайных кирпичей в этикетки российских чайных фирм, прямо в Кяхте, также проводили савошники.

Собранная воедино мозаика отдельных фактов позволяет представить посетителям Музея Чая полную картину работы с китайским чаем в дореволюционной России: от его покупки у китайцев, доставки до оптовой и розничной продажи и потребления. Посетитель Музея получает возможность визуально погрузиться в мир дореволюционной России.

Музей Чая размещён в доме купца-чаеоторговца Горсткина на набережной Фонтанки, 91.

В настоящее время Музей Чая активно принимает посетителей из России и других стран. Проводится работа с делегациями из крупных чаеводческих центров КНР – провинций Хунань (湖南, с 2018 г.) и Гуйчжоу (贵州, с 2019 г.), побывавшими в Санкт-Петербурге в рамках культурного взаимодействия по проекту «Один пояс – один путь».

Проводится лекционная работа, в рамках которой посетители знакомятся с историей и культурой своих предков, а затем имеют возможность попробовать те чаи, которые заваривались в чашках подданных Российской империи XIX в. Такой формат погружения в историю является наиболее актуаль-

ной формой взаимодействия, при которой посетители фиксируют максимум информации. Немаловажно и то, что часть предметов в экспозиции можно потрогать руками, – уникальная особенность музейного формата, не доступная посетителям в государственных музеях. Ведётся работа и с частными коллекциями, которые следует делать доступными широкой публике.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Геоэкономика» // РТР. – 2017. – 10 мая.
2. Miles Tea Hankou Album (Chinese Edition). – Hankou–Moscow–St. Petersburg : Wuhan Press, 2019. – 233 p.
3. Народы России : живописный альбом. – СПб. : Типография Товарищества «Общественная польза», 1877. – 629 с.
4. *Субботин, А. П.* Чай и чайная торговля в России и других государствах : производство, потребление и распределение чая / А. П. Субботин. – СПб. : Типография Северного телеграфного агентства, А. Г. Кузнецов, 1892. – 722 с.
5. Китайский чай. Подробное о нем описание с присовокуплением статей о кофе, шоколаде и сахаре / сост. Н. Ржанов. – М. : Типография В. Готье, 1856. – 59 с.
6. *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1980. – Т. 4. – 334 с.
7. Словарь русского языка : в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1988. – Т. 4. – 800 с.